

но разве это главное? К примеру, Л. Бетховен учился у Й. Гайдна, но мы его знаем именно как Л. Бетховена, а не ученика Й. Гайдна или А. Сальери. Если говорить о музыкальных корнях музыки Б.И. Тищенко, то рядом с именем Д.Д. Шостаковича по праву должны быть названы имена Л. Бетховена и Ф. Шуберта.

У Б.И. Тищенко было три любимых занятия: сочинение музыки, игра на рояле и преподавание. Он учил своих студентов гораздо большему, чем просто технической стороне дела: блестяще анализировал произведения искусства (литературы, живописи, музыки), проникая в самую суть вещей, высказываясь всегда очень точно и кратко. Б.И. Тищенко обладал высокой профессиональной этикой, но никогда не поучал, скорее, был старшим товарищем для своих воспитанников.

Есть композиторы, которым еще при жизни открываются тайны мироздания, недоступные простым смертным. 22 января 2006 года Б.И. Тищенко заканчивает концерт для скрипки, фортепиано и струнного оркестра. Это музыка о смерти. В финале концерта нет ни патетики, ни слез, ни «страшных» аккордов, ни зауспокойного хорала. Тихая, удивительной красоты мелодия, льется свободно, неторопливо, истаявая в постепенном *diminuendo*, доходя до четырех *piano* и флажолетов. 22 июля 2008 года он узнает свой диагноз — рак. Его уход из жизни был таким же тихим, его муки незаметны для окружающих.

За те пятнадцать лет, на протяжении которых я его знала, Борис Иванович ни разу не уходил на больничный. И ни разу не опоздал на урок. Даже будучи тяжело больным, продолжал ходить в консерваторию, пока физически мог это делать. На своем последнем уроке (это было в конце октября 2010 года) он сказал: «Чем меньше мне остается жить, тем отчетливее я понимаю, что композитор запоминается не приемами, а тем, что у него в душе, что в сердце...».

Андрей ДЕНИСОВ
За дверями класса № 36...

Воспоминания о Борисе Ивановиче невозможно уложить в рамки жанра *In memoriam* — настолько яркие и сильные впечатления он оставил в сознании своих учеников. Они не меркнут со временем, властно воскресая в памяти, в которой даже безвозвратно ушедшее Прошлое обретает новую жизнь.

Учиться у Бориса Ивановича было нелегко. Никаких универсальных педагогических рецептов не было, да и быть не могло. Слишком разными были ученики — и в смысле стилевых пристрастий, и в плане сугубо

технической подготовки, и даже в отношении возраста. Самые неумелые, наивные опусы первокурсников, которые у нас нередко вызывали улыбку, Борис Иванович терпеливо дослушивал до конца, ни одним жестом или словом не показывая, что его «что-то не устраивает».

Критика — даже по принципиальным вопросам — всегда высказывалась настолько деликатно, что безошибочно находила свой «адрес» в сознании ученика. Но даже самые строгие замечания никогда не имели схоластически-рационального происхождения. Фантастическая музыкальная интуиция всегда точно подсказывала педагогу, что именно проигрывает в драматургии, оркестровке, фактуре сочинения¹. Вторжение в музыкальное пространство ученических произведений всегда было чутким и осторожным — насколько я помню, Борис Иванович почти никогда ничего не вычеркивал в нотной записи, стремясь максимально полно сохранить авторский замысел.

Ни одно занятие не проходило без живого контакта с музыкой. Встреча со студентами всегда открывалась прослушиванием одного или нескольких сочинений, чему предшествовал краткий аналитический разбор. Он был бесконечно далек от академизма и теоретического схематизма. Иногда он мог состоять всего из нескольких замечаний — поразительно метких и точных, в которых моментально схватывалась композиционная идея сочинения. Иногда были и детальные разборы — так, Борис Иванович показал значительную часть «Коронации Поппеи» К. Монтеверди (причем не только оригинальный вариант, но и оркестрованные им фрагменты).

Звучали и сочинения самого Бориса Ивановича — «Ярославна», Третья и Пятая симфонии, фортепианные произведения. Однажды в классе он исполнил свои Фортепианные вариации, с которыми поступал в консерваторию. Впечатление невозможно передать словами — уже в этом, совсем раннем, опусе стиль композитора полностью сложился. И хотя Борис Иванович неоднократно признавался в том, сколько композиторов оказали на него воздействие, мощные энергетические линии его индивидуальности подчиняли элементы «чужого слова» собственной манере письма.

Музыкальные пристрастия Бориса Ивановича отличались четкой определенностью. Безусловное преклонение перед Д. Шостаковичем вовсе не заслоняло творчества других композиторов — подчас крайне несхожих. Среди любимых авторов — А. Онеггер, С. Прокофьев, Л. Бетховен, Б. Барток, И. Стравинский. Скептическим было отношение к импрессионистам, О. Мессияну, Р. Вагнеру, Р. Штраусу (по поводу одного из его сочинений, которое Борис Иванович все же показал в классе, он иронично заметил: «Я его буду слушать, конечно,

¹ Едва ли не решающее значение Борис Иванович придавал работе над мелодией. Именно в однополосии, по его мнению, соединялась редельная концентрация смыслов и зона повышенной ответственности композитора. Огромную роль имела работа над вокальной интонацией — камнем преткновения для многих композиторов.

не в первый, но однако и не в третий раз»). Резко отрицательно критиковалось немотивированное экспериментирование, направленное лишь на внешние эффекты².

До сих пор вспоминаю, как волновался Борис Иванович во время премьер своих сочинений. Известно, что для большинства композиторов присутствие при исполнении их произведений — огромный стресс. Одно дело — идеальный образ музыки, звучащей в сознании, совершенно другое — то, что звучит на самом деле во время концерта. Для Бориса Ивановича этот стресс всегда был страшным испытанием. Так, в Большом зале филармонии Г.Н. Рождественский, перед исполнением Концерта для скрипки и фортепиано со струнным оркестром попросил Бориса Ивановича ответить на несколько вопросов творческого характера — прямо перед публикой. Впрочем, вопросы имели иронично-доброжелательный характер³, и Борис Иванович с блеском парировал дирижеру, полностью забыв о волнении.

Мягкость и доброжелательность Бориса Ивановича в общении лишь подчеркивали бескомпромиссность и твердость его характера. Он всегда высказывал свои суждения прямо, как говорится, «открытым текстом»⁴. В его оценках никогда не было полутонов или дипломатической двусмысленности. Конечно, не со всеми суждениями можно было согласиться — но сама линия поведения подчеркивала удивительную *цельность* его личности, в которой детская непосредственность и острота впечатлений сочетались с жесткой принципиальностью и искренностью самовыражения...

Вениамин СМОТРОВ
Тищенко, как он сам

«9 декабря на 72 году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончался выдающийся российский композитор, народный артист Российской Федерации, лауреат Государственной премии Российской Федерации, лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга, профессор Санкт-Петербургской консерватории Борис Иванович Тищенко».

Привычно и буднично звучат эти слова, не отражая, в общем, ни тяжести потери, ни неистовства борьбы за жизнь — и не на жизнь, а на смерть, которую вели и композитор, и его близкие последние годы. Незаменимых нет, считается. Я же придерживаюсь уже давно советским поэтом Юлией Друниной сложенной, выточенной и с кровью выношенной формулы — «нет з а м е н и м ы х »...

Я намеренно не буду называть знаменитых учителей Б.И. Тищенко, имена которых неизменно украшают любое писание об этом композиторе, кажется, даже заслоняя его как индивидуальность, и становясь неизбежными центрами в виду своей планетарной яркости; намеренно не назову ни одного сочинения Бориса Ивановича, чтобы не сужать угол обзора, и скажу четыре слова о нем в целом, отдельно ото всех и вне контекста.

Б.И. Тищенко — мы говорим — «был», хотя знаем, что не «был» — а «есть», ведь, как с легкой иронией писал критик Эрик Нейхоф о Ромене Гари, «приходится признать, что иногда смерть не властна над хорошими писателями», — непримиримый, неуступчивый и самоуверенный. Эти качества, нравятся они нам или нет, чрезвычайно показательны и индивидуальны. Не будь их — и его музыка была бы другая, да и стал ли он сам композитором без них (в связи с этим хочется вспомнить о рассказе Р. Бредбери «И грянул гром» и об «эффекте бабочки»)?

Взгляд Б.И. Тищенко на искусство, на законы искусства был не дискретным, а цельным — теми же способами, что и музыку, он, например, пытался анализировать литературу. Эта глубоко верная установка при порою спорных методах (композитор брал узкотехнические приемы выразительности) зачастую приводила к парадоксальным выводам. Так, лучшими писателями оказывались Н. Гоголь и М. Зощенко, как наиболее отвечающие законам музыки — использовали репризы: повторы фраз, предложений, отдельных слов. Нетрудно понять при этом, что «музыкальные законы» эти писатели создавали ради сатирического эффекта. Но эти суждения, эта «авангардность» идеи была не сухой, не мертвой, а дышащей жизненной энергией...

Разумеется, такая противоречивая личность отмеряла вехи на своем пути не только увеличением списка опусов, но и умножением количества нажитых врагов, и консерватория еще помнит баталии, когда «находила коса камень» (sic!) у Б.И. Тищенко с кем-либо из учеников, и искры, длинные, яркие и опасные, летели во все стороны, задевая всех находившихся рядом. Такие факты есть в досье многих педагогов, у Б.И. Тищенко их, наверное, более чем у кого-либо. Я не берусь судить, пример педагогической твердости ли это или простого человеческого непонимания, но Б.И. Тищенко слыл — и был тем, кто не оставляет равнодушным, возбуждая либо горячую ненависть, либо страстную любовь, в этом он — один из символов поколения. Прекрасного и ужасного,

² Так, на одном из занятий Борис Иванович отметил, что эффект препарированного фортепиано у его первооткрывателя — Дж. Кейджа — был направлен на решение вполне конкретных художественных задач, а у большинства его последователей стал пустым и бессодержательным подражанием.

³ Например, речь шла о том, «для чего в Четвертой симфонии понадобилось использовать инфразвуковой генератор».

⁴ Забавный эпизод произошел во время празднования одного из дней рождения Бориса Ивановича, когда прямо у него дома студенты исполнили капустник на темы из его сочинений. В частности, одна из тем Седьмой симфонии там превращалась в мелодию известной песни И. Дунаевского «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер». Прослушав это «произведение», Борис Иванович безапелляционно и не без сожаления заметил: «У него (т.е. у И. Дунаевского) лучше, чем у меня получается!»